

ДЛЯ СЧАСТЬЯ ЧЕЛОВЕКА

МАЛЕНЬКИЙ уральский городок заснеженной зимой сорок второго года. Рядом со школой — кинотеатр. После уроков мы шумной ватагой устремлялись туда смотреть довоенные фильмы. На одном из сеансов шли «Истребители», уже не один раз просмотренные всеми и почти выученные наизусть. Молодой Бернес, лукаво подмигнув, запел: «Любимый город может спать спокойно»... Но что это? Я начинаю усиленно моргать глазами. И, завлакивая экран, поплыли зеленая улочка на московской окраине, два тополя напротив знакомых окон... А рядом подозрительно засопела носом Линка, подружка из Киева. И сразу притихли малышки, только что пускавшие озорные реплики... Старая песня, которая раньше просто нравилась, вершила чудо: она напомнила нам, детям войны, о родном доме, оставшемся за тысячи верст отсюда, у каждого в своем городе... До сих пор я помню ощущения тех минут. Я не искала им объяснения, они просто всегда были во мне. И вот совсем недавно, прочитав повесть Людмилы Гурченко «Мое взрослое детство» («Наш современник», №№ 3—4, 1980 г.), где актриса вспоминает, как плакала над этой же песней, тоскуя по дорожному ей, измученному войной Харьковю, я вместе с нею поняла: то, что было с нами, называлось очень просто — любовью к Родине.

Повесть А. Гурченко — о суровом военном детстве, о становлении характера, о мужестве быть Человеком на земле. Этого вполне достаточно, чтобы рассчитывать на внимание широкого круга читателей, тем более, что написана она увлекательно и очень искренне, на богатом биографическом материале. Но для меня, учителя, доминирующая тема этого произведения — любовь в самом глубоком, самом исконном смысле слова. Безмерная, не так уж часто встречающаяся любовь дочери к отцу, «человеку сильному и слабому, веселому и трагичному, умному от природы и почти совсем неграмотному в сегодняшнем понимании слова «образование».

Образ Марка Гавриловича Гурченко, русского богатыря, большую часть жизни прожившего в городе, но до конца дней своих сохранившего неумовимую связь — в облике, в речи — с землей, выписан ярко и талантливо. Судьба не баловала его: был и батраком, и забойщиком в шахте,

и баянистом: никогда не умел «копейку» копить, последнее готов был отдать людям. Меньше всего думал о «методах» воспитания, над «секретами» педагогики голову не ломал. А умер он, и уже семь лет его взрослая дочь не находит себе места от тоски, и скорбит, и мечется, потому что нет для нее души роднее и ближе и не будет никогда. А он просто жил по совести, любил людей. И эту свою любовь, которой «был пронизан насквозь», он подарил дочери.

Скупое, но с пронзительной болью пишет Гурченко о страшных днях фашистской оккупации Харькова, о тех страданиях, которые они выдержали с матерью, вдвоем, потому что отец, несмотря на инвалидность, добровольцем ушел на фронт. Но, незримый, он присутствовал рядом, советовал, помогал. И когда мать во время казни партизан поворачивала испуганное лицо дочки к виселице: «Смотри! Запоминай!», она как бы выполняла завет отца: «Ребенок хай знать и видеть усё. И хороше, и плохое»... Через много лет, через всю жизнь свою пронесла девочка, ставшая актрисой (исполнилась мечта отца), преданность и верность этому человеку, в котором соединились для нее самые святые понятия: Родина, доброта, нежность, любовь к профессии.

Завидная отцовская судьба! И счастлива дочь, чье нелегкое «взрослое» детство и беспоконная юность были озарены теплым светом такой немеркнувшей любви. Вот почему я советую и родителям, и детям прочитать эту честную и откровенную исповедь. Она над многим заставит призадуматься.

ГЕРОИНЯ повести Гурченко переняла у своего отца способность понимать чужую беду. Это высокое качество человеческой души отличает и юную учительницу Надежду Георгиевну из повести Альберта Лиханова «Благие намерения» («Знамя» № 7, 1980 год). Невидимая

ниточка словно протянулась от повести Гурченко к новой вещи Лиханова, хотя это совершенно различные произведения — и по степени мастерства авторов (А. Лиханов — лауреат премии имени Ленинского комсомола, 15 лет в литературе), и по тематике. Но равнодушным ни одно из них не оставит даже самого спокойного читателя. Идея формирования гражданской активности — вот что роднит их. И еще — огромное чувство ответственности за все, что происходит в мире, тревожная любовь к человеку.

Как все талантливые произведения, она ставит много острых, животрепещущих проблем, решать которые можно по-разному. Да автор и не дает однозначного ответа, он как бы призывает всех нас, родителей, учителей, просто взрослых людей, пережить вместе с героями счастливые и горестные мгновения, выпавшие на их долю, перестрадать не одну бессонную ночь, мучительно пытаюсь найти выход из создавшегося положения и так и не умея его найти. Потому что педагогика — «очень неточная наука», как любил повторять славный директор школы-интерната Аполлон Аполлинарьевич. Она выше всех приказов, не поддается никакому учету. Здесь сердцем надо...

...Надежде Георгиевне повезло: в самом начале трудового пути ей повстречались такие замечательные люди, как директор Аполлоша, воспитательница Маша, учительница Нонна Самвеловна... Когда она, спустя десять лет, рассказывает историю своей жизни, становится ясно, что без них, этих верных друзей, помогавших, поддерживавших, направлявших, возможно, и не состоялся бы педагог Надежда Георгиевна... А каково было ей, избалованной маминной дочке, «благополучному ребенку», как она сама себя называла, прямо со студенческой скамьи очутиться в незнакомом северном горо-

де, в школе-интернате, где ей даже работу по специальности не могли и предложить, потому что из-за болезни мамы она опоздала к началу учебного года, и единственное, на что могла теперь рассчитывать, это место воспитательницы у первоклассников... Вот сидит она в своем «частном» углу, за ситцевой перегородкой у тетки Лепестиньи и горько плачет...

Среди Надиных питомцев двадцать два — из бывших детдомовцев. И когда по субботам родители забирали своих малышей на выходные дни, эти молча выстраивались вдоль лестницы, на каждой ступеньке, друг над дружкой, и провожали счастливых с обидой, удивлением, тоской: за ними никто не приходил... Сначала появилась жалость, нежность к этим детям. Именно эти чувства и диктовали ей, как нужно вести себя в различных ситуациях, в которых она неожиданно оказывалась. Не скрою: где-то обожгло меня раздражение против Аполлоши — как же можно было оставить молодую воспитательницу один на один со смятением, с растерянностью?! Потом поняла: это было великое доверие, которое и родило в ней великую ответственность за горькие эти судьбы...

Постепенно мы, читатели, многое понимаем в характере Нади: верность клятве, которую она дала сама себе и о которой никто не догадывался; добровольное сподвижничество в течение десяти лет; чувство вины перед детьми за те обиды, которые нанесли им другие взрослые.

Итак, две повести о любви. О любви истинной и всепобеждающей. Авторы дали нам возможность прикоснуться к истокам живого чувства, а дальше уж наше право: думать, размышлять, делать выводы.

Снова сели за парты малышки и девочки. Мы будем учить их писать сочинения и решать задачи, вычислять химические формулы и понимать законы физики. Но, пожалуй, прежде всего мы должны воспитывать у них потребность открывать для себя непреложные законы нашего общества: быть мужественным и честным, не искать легких путей, жить так, чтобы после тебя остался добрый след на земле.

Не для собственного тщеславия растим мы детей — для людей, для счастья человеческого. А значит — для любви.

Р. ПОЯРКОВА.